

DOI 10.35775/PSI.2025.114.2.019

УДК 32.327

Ю.А. ВЕСЕЛОВ

преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики

Московского государственного университета

имени М.В.Ломоносова, Россия, г. Москва

E-mail: veseloff30@gmail.com

КОНЦЕПЦИЯ «ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВИЛАХ» В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОПОРЯДКА (ЧАСТЬ I)

Концепция «порядка, основанного на правилах» представляет собой идеологическую конструкцию, созданной с целью легитимации современной центро-силовой пертурбации, которая в последние десять лет сталкивается с новыми вызовами и нарастающей критикой со стороны развивающихся стран, а также стран, отстаивающих свой национальный суверенитет. В таких условиях появляется необходимость определения вариантов движения трансформации современного мирового порядка и того как на «идейном» уровне осуществляются попытки адаптации к ним. Для достижения поставленной цели, основные интерпретации перехода власти были классифицированы по трем парадигмам теории международных отношений: реализма, либерализма и английской школы, а также на рассмотрение была вынесена гипотеза о невозможности реализации концепции «порядка, основанного на правилах» в новых геополитических условиях.

Ключевые слова: порядок, основанный на правилах, теория международных отношений, мировой порядок, трансформация мирового порядка, международный порядок, либеральный порядок.

Согласно заявлению авторов старейшего американского аналитического центра в области международных исследований «Фонд Карнеги», «после окончания холодной войны западные элиты мечтали о мировом порядке, основанном на демократии, верховенстве закона и либеральной рыночной экономике, однако жестокое возрождение геополитики в начале этого столетия разрушило эту мечту...» [35]. Так называемый «порядок, основанный на правилах» должен был сплотить как можно более широкую группу стран против нарушителей, а именно Китая и России. Повествование о защите демократии также было направлено на то, чтобы привлечь внимание к вызовам, исходящим от (авторитарных) соперников, и укрепить связи внутри западного блока.

Спустя два десятилетия после начала XXI века относительный упадок Соединенных Штатов [34. Р. 204] и подъем Китая [39. Р. 8] во многом напоминают классическую ситуацию с переходом власти, связанную с риском войны великих

держав и глубокими международными потрясениями по поводу преемственности гегемонии [45; 19]. Современные геополитические процессы, по мнению некоторых не самых оптимистичных западных исследований ведут к смене расстановки сил, к постгегемонистскому, многополярному и регионализированному мировому порядку и распространению власти во всех направлениях, а не просто к преемственности гегемонии [21]. В среде специалистов по международным отношениям уже закрепился широкий консенсус в отношении того, что порядок, сложившийся после окончания холодной войны (или, по крайней мере, который сложился после Второй мировой войны и претерпел изменения в 1990-е годы), находится в стадии трансформации. [21; 23; 39. Р. 8; 60] Для того, чтобы определить, варианты движения трансформации, основные интерпретации перехода власти были классифицированы по трем парадигмам теории международных отношений: реализма, либерализма и английской школы.

Реалистическая теория перехода власти связывает порядок с элементами иерархии [45]. Точнее, вся структура экономического обмена и политической стабильности связана с доминирующей или господствующей державой, которая поддерживает этот порядок посредством своей превосходящей экономической и военной мощи [19]. С этой точки зрения, переход власти – это особенно опасное изменение баланса сил, которое может привести к войне между растущей великой державой и увядающей. В традиционном изложении этой теории растущая держава испытывает искушение прибегнуть к войне, чтобы ускорить или реализовать свой подъем, включая возможность перестроить международный порядок в соответствии со своими собственными интересами и желаниями [45]. Согласно другим версиям теории, именно слабеющая держава с большей вероятностью прибегнет к войне, чтобы предотвратить свое приближающееся поражение [56. Р. 8]. Ведущие ученые реалистической традиции указывают на риск войны великих держав или конфронтации между Китаем и США [41. 381-396], геополитического соперничества, спровоцированного усиливающимися ревизионистскими силами [38. Р. 70] или просто концом американского мирового порядка [34. Р. 204] и, как следствие, наступлением международного беспорядка [49. Р. 289].

Реалистический подход связан с социальными и институциональными аспектами власти, которые обычно культивируются в рамках подхода английской школы [10]. Результатом является теоретически обоснованное предположение о том, что переход власти потенциально может обернуться борьбой за статус и признание великой державы. Следовательно, переход власти потенциально может также осуществляться путем взаимного признания статуса великой державы. Это сближает реалистическую теорию перехода власти с английской школой управления великими державами, согласно которой статус великой державы присваивается и принимается на основе не только возможностей, но и продемонстрированной воли и способности взять на себя определенную ответственность за поддержание международного порядка [9. Р. 200-229].

В другом подходе традиционной реалистической теории перехода власти Дж. Миршаймер смягчил ожидание войны в обмен на предсказание формирования

конкурирующих американского и китайского порядков [39. Р. 9]. Согласно данному воззрению, либеральный мировой порядок, управляемый США, «обречен на провал», потому что гегемон может применять принципы устройства, которые он предпочитает, к международной системе в целом только в однополярных условиях, которые сейчас подходят к концу, как и предсказывала реалистическая теория. Более того, либеральный международный порядок возможен только в однополярной системе, в которой ведущим государством является либеральная демократия, но нелиберальные державы (согласно «западным» представлениям), такие как Китай и Россия, вряд ли примут либеральный мировой порядок, когда его гегемонистская поддержка иссякнет.

Более того, США ускорили подрыв своего собственного доминирующего положения и связанной с ним способности поддерживать глобальный международный порядок, пытаясь навязать либеральные ценности другим частям мира, что неизбежно встретило ожесточенное сопротивление со стороны других великих держав и нелиберальных кругов в более широком смысле.

Дж. Миршаймер ожидает и определяет формирование ограниченных порядков вокруг США и Китая, соответственно, в то время как третья мировая держава в развивающейся многополярной системе, Россия, будет недостаточно сильна, чтобы сформировать свой собственный порядок [39. Р. 10]. Порядок в данном случае определяется политологом как система правил, установленных доминирующей державой (державами), и другие государства будут вынуждены присоединиться либо к китайскому, либо к американскому порядку, которые являются конкурирующими сетями, а не региональными порядками. Также будет существовать хрупкий мировой порядок, основанный на балансе сил и общей заинтересованности в предотвращении возобновления экономических кризисов, распространения ядерного оружия, климатической катастрофы и других проблем.

Привлекательность взгляда Дж. Миршаймера на мировой порядок заключается в его прогрессивной и дедуктивной логике (даже если она окрашена неструктурными или экстрареалистичными элементами, такими как «порядок, основанный на правилах», национализм и антиглобализм), его четком представлении будущего сценария мирового порядка и объяснении нынешних проблем [31. Р. 31-56]. Очевидная критика заключается в том, что такой взгляд сводит порядок лишь к понятиям власти и игнорирует исторические примеры коллективно поддерживаемых порядков, таких как Европейский концерт XIX века.

Объяснительной областью либерализма является институционализация. Конфликтные последствия анархии опосредуются международными правилами и институтами (то есть режимами и организациями), которые ограничивают дисфункциональное поведение и организуют международное сотрудничество вокруг достижения общих интересов и решения общих проблем [29]. В некоторых направлениях либеральной теории международное сотрудничество и институционализация являются следствием рациональных действий и, следовательно, возможны при различных расстановках сил [33]. Согласно другим, широкая институционализация и развитый порядок гораздо более вероятны в условиях

гегемонии [7. Р. 55-90], и такие свойства могут сохраняться и после гегемонии [28]. Согласно либеральной версии теории гегемонистической стабильности, гегемон будет использовать свои чрезвычайные властные ресурсы для создания и поддержания системы правил и институтов для содействия торговли, экономической стабильности, международной безопасности и будет способствовать более широкому решению проблем. Конечно, эта структура будет отражать интересы и ценности гегемона больше, чем какого-либо другого актора, и, помимо риска чрезмерного усиления гегемонии, гегемон также получит больше выгод, чем любой другой участник международной системы. Однако многие другие государства и народы также выигрывают в экономической и политической областях и в сфере безопасности благодаря способности гегемона поддерживать установленный порядок и связанной с этим международной стабильности. Исходя из этого, либеральные сторонники теории гегемонистской стабильности были склонны называть послевоенное и пост-«холодное» американское господство и связанные с ним условия мягкой гегемонией [31. Р. 31-56].

Согласно традиционной либеральной теории гегемонистической стабильности, смена власти, вероятно, приведет к ослаблению международных правил и организаций, поскольку старый гегемон больше не в состоянии выделять необходимые экономические, политические и военные ресурсы на их поддержание [7]. Следовательно, переход власти и упадок гегемонии приводят к периоду растущей нестабильности и беспорядка, пока не начнется новая институционализация и управление, основанные на новой расстановке сил или гегемонии.

Теоретически, такие политологи как Чарльз Мэннинг [37], Мартин Уайт [57], Хедли Булл [9], Калеви Холсти [20], Барри Бузан [12] и Эндрю Харрелл [22] понимали международный порядок как социологический феномен, связанный с фундаментальными институтами международного сообщества. Исторически международный порядок и связанные с ним правила, практика и институты выросли из международных соглашений о том, что является практичным, правильным и взаимовыгодным. С этой точки зрения представление о международном порядке как о чем-то по своей сути либеральном (иными словами, представляющем собой либеральный порядок, основанный на особых «правилах») выглядит на удивление антиисторическим и искусственным [31. Р. 31-56]. С политической точки зрения это, вероятно, и отталкивает тех, кто считает, что жизнеспособный международный порядок был и должен быть способен учитывать множество различных культур, исторический опыт и системы ценностей, в том числе те, которые укоренились в незападных уголках мира.

Основной областью изучения английской школы является социализация - международный порядок является продуктом исторического взаимодействия, которое привело к реализации общих целей и эволюции общих правил и практик. [5; 9; 10] Следовательно, взаимосвязь между переходом власти, международным порядком и мироустройством невозможно понять без оценки глубоко укоренившихся общественных практик современной государственной системы, в частности фундаментальных или первичных институтов [26], таких как суверенитет,

дипломатия, международное право, торговля, управление великими державами, баланс сил и охрана окружающей среды [20].

Традиционный подход английской школы к передаче власти был направлен на то, чтобы объединить понимание опасений вовлеченных в это великих держав с пониманием коллективного смысла международного сообщества защищать элементы международного порядка и общества от частичного или полного распада. Первым из таких теоретических и эмпирических исследований, вероятно, было исследование одного из ведущих британских теоретиков международных отношений Мартина Уайта [58. Р. 42-44] о формировании «великих альянсов» против попыток создания империи в древних, ранних европейских и современных системах международных отношений, что разделял британский дипломат и политолог Адам Уотсон [54]. По мнению этих ученых, «великий альянс» против ревизионистской державы, которая стремится превратить военные и экономические достижения в имперский порядок, является логичным коллективным ответом на защиту международного сообщества. Идея Уотсона о склонности реагировать на неколлективные формы гегемонии, империи и доминирования, чтобы достичь приемлемого баланса между стремлением к порядку и свободе, имеет очевидное значение для современной политики великих держав. Многие государства и другие акторы предпочитают согласованную работу между крупными державами в формирующемся многополярном (или биполярном) мировом порядке, понимая, что великие державы в любом случае будут играть особую роль, учитывая их силу. Но логика А. Уотсона также указывает на то, что более мелкие державы и региональные субъекты будут требовать как влияния в коллективном управлении, так и высокой степени свободы, пользуясь ситуацией, когда происходит общее рассредоточение власти и ослабевает легитимность традиционного доминирования великих держав [13. Р. 84]. Согласно подходу авторов английской школы, нынешняя смена власти больше связана с окончанием гегемонии США и формированием многополярного и регионального миропорядка, чем с неизбежной войной за преемственность гегемонии, то есть фокус исследований обычно уделяется тому как правила и институты международного сообщества формируют международное восприятие смены власти и реакцию на нее, и как смена власти влияет на международные правила и институты или изменяет их. В свою очередь, первичные или фундаментальные институты являются составляющими как государственных субъектов, так и международного порядка, что также утверждается либеральными и конструктивистскими кругами [30; 48; 56].

Международные институты «не являются ни постоянными, ни фиксированными» и, вероятно, «претерпят исторический подъем, эволюцию и упадок, которые делятся по меркам человеческой жизни» [12. 181]. Эта идея привела к анализу возможного упадка или возникновения современных фундаментальных или первичных институтов и региональных различий в структуре международных институтов [11]. Международные организации, такие как Организация Объединенных Наций (ООН) или Африканский союз, основаны

как фундаментальные и исторические институты международного общества, как механизмы или площадки [12. Р. 181], но они также могут быть подвержены изменениям, в частности, в результате сознательных действий государств и других акторов [32].

С политической точки зрения западные исследователи, такие как британский профессор Букингемского университета К. Навари и профессор Орхусского университета Дании Т. Б. Кнудсен, полагают, что трансформация мирового порядка, в первую очередь, связана с неожиданно быстрым подъемом Китая, восстановлением политической власти в постсоветской России и ослаблением «либерального консенсуса» периода после окончания холодной войны, на который возлагались большие надежды [42. Р. 1-31]. Относительная утрата Америкой влияния и ее очевидное нежелание продолжать поддерживать аспекты либерального миропорядка, как в политическом, так и в экономическом плане, наряду с нерешительностью любой другой либеральной державы, включая такой конгломерат как Европейский союз [59. 75-88], взять на себя эту роль, создали возможности для роста автократии. Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития (оба с ключевым участием Китая), амбициозная инициатива Китая «Один пояс, один путь», претензии Китая на особое положение в Южно-Китайском море [36; 52. Р. 32] и военная мощь России [16. Р. 45-59] являются ключевыми примерами такого развития событий. В рамках ответа на эти вызовы президент США Джо Байден пообещал объединить демократические государства для защиты либеральных ценностей и принципов на региональном и глобальном уровнях.

Формирование современной «американской гегемонии» стало следствием исключительно благоприятной ситуации, в которой оказались США после завершения Первой, а затем и Второй мировых войн, аккумулировав к своему экономическому потенциалу «беспрецедентные ресурсы и возможности... приведшие к кардинальному перераспределению власти и богатства в мировом масштабе» [24. Р. 21]. США объявили себя центром «либерального мирового порядка», заняли лидирующее положение среди развитых индустриальных стран, возглавив своего рода «исторический блок» государств, объединенных не только капиталистическим способом производства, но также приверженностью ценностям рыночной экономики и представительной демократии [1. С. 194]. Развитая институциональная структура послевоенной американской гегемонии, общность ценностей и приверженность либеральной идеологии, а также экономическая взаимозависимость, позволили сгладить силовую асимметрию внутри Западного блока и обусловили преобладание консенсусных форм власти [1. С. 194].

Завершение Холодной войны, биполярного порядка, как казалось многим сторонникам неолиберализма, должно было привести к полноценному объединению мира на основе универсальных ценностей и рыночной экономической модели, однополярный, моноцентральный мир США, демократии, либерализма, их моды, их технологий, их «универсальных ценностей» - «конец

истории». Однако первые десятилетия после распада СССР продемонстрировали, что, несмотря на отсутствие существенных конфликтов внутри западного «гегемонистского блока», очаги напряженности начинают разгораться на периферии мирового порядка, характеризующейся экономической отсталостью, межэтническими и межконфессиональными конфликтами, традиционализмом, неприятием модернизации и прогресса, а также отторжением западных ценностей и западного образа жизни [1. С. 195]. США обладали достаточным потенциалом и мощью, чтобы сокрушить практически любое развивающееся государство (Вторжение в Ирак, в Ливию) практически в одиночку. Однако данные действия уже встречали достаточно сильное сопротивление внутри самих США и, более того, на деле, оказалось, что свергнуть неугодный режим проще, чем сохранить стабильность в стране, так как свержение неугодного режима скорее дестабилизировало ситуацию в регионе.

Очевидное усиление роли принуждения и насилия во внешней политике США и их союзников в 2000-е годы побудило многих исследователей предположить, что на смену западной «либеральной гегемонии» могла прийти «американская империя» [17. Р. 1-27], мало считающаяся с мнением союзников, стремящаяся к максимальному расширению сферы своего геополитического влияния и навязыванию своих национальных ценностей, институциональных практик и традиций в глобальном масштабе [14. Р. 1-9]. Это выразилось не только в созданной под США «теории гегемонистической стабильности», но и в таких методах как: внешнеполитический мессианиззм, риторика в духе противостояния «цивилизованного демократического либерального мира» и «мира авторитаризма, диктатуры, нарушения прав человека, попираания универсальных ценностей и т.д.».

Вероятно, ослабление идеологического влияния краткого момента американской гегемонии в пользу «материального» доминирования [1. С. 196], с помощью военных интервенций, угроз, санкций, гибридных конфликтов может рассматриваться как отчаянная попытка сохранить контроль над теряющим управляемость мировым порядком [27. Р. 288].

Процессы рассредоточения глобальной власти сопровождаются децентрализацией, которая приводит к появлению новых игроков, которые полны решимости устанавливать свои собственные планы [21], поощряя новый динамичный регионализм [8]. В частности, Африканский союз (АС) и Экономическое сообщество Западноафриканских государств (ЭКОВАС) ввели особые принципы поддержания регионального порядка, мира и безопасности и действуют в соответствии с ними. К ним относятся принцип гуманитарного вмешательства в соответствии со статьей 4(h) Учредительного акта Африканского союза [3], принципы борьбы с государственным переворотом, закрепленные в Учредительном акте Африканского союза и Африканской хартии демократии, выборов и управления [5], а также подход «Африканские решения Африканских проблем» [18]. В качестве другого примера можно привести Бразилию, которая при президентах Луле де Силва и Дилме Русефф выступила с дипломатическим посредничеством, внесла значительный вклад в миротворческую деятельность ООН (например,

на Гаити) и внедрила свой собственный принцип «Ответственности при защите» [50. Р. 54-59], который бросил вызов как доктрине невмешательства, так и западному пониманию «Ответственности за защиту» (R2P) и гуманитарного вмешательства [53].

В то же время ослабление гегемонии США освободило место для региональной силовой политики, такой как попытки России создать сферу влияния в «ближнем зарубежье» [42], и создание Турцией «зоны обороны» от Ливии до Сомали независимо от НАТО [4. Р. 19-36]. Текущие процессы регионализации предполагают как новые системы норм, так и новую динамику безопасности [42].

Классические дебаты о переходе власти касаются склонности растущей или приходящей в упадок державы, соответственно, к войне, чтобы ускорить или остановить смену власти, и всех последствий, которые, вероятно, последуют за этим [45; 46]. Как правило, такие периоды включают в себя риск временных беспорядков и анархии, с одной стороны, и, с другой стороны, возможность для нового гегемона создать свой собственный политический и экономический порядок, основанный на собственном институциональном дизайне и опирающимся на превосходящие ресурсы власти [19].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Богданов А.Н.** Эволюция гегемонии: Власть США в современном мире // Политическая экспертиза: политэкс. 2013. № 1.
2. **Ваттель Эммер.** Право народов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960.
3. Учредительный акт Африканского союза. 2001 // Всемирная организация интеллектуальной собственности, официальный сайт // <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/221>.
4. **Abyet G.** The evolution of NATO's three phases and Turkey's transatlantic relationship. *Perceptions*, XVII (1), 2012.
5. African Charter on Democracy, Elections and Governance, 2007 // African Union official website // <https://au.int/en/treaties/african-charter-democracy-elections-and-governance>.
6. **Allison G.** *Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap?* Houghton Mifflin Harcourt. 2017.
7. **Anderson K.** United Nations Collective Security and the United States Security Guarantee in an ages of rising multipolarity: The security council as the talking shop of the nations. *Chicago Journal of International Law*. 10 (1), 2009.
8. **Armijo L. & Roberts C.** The emerging powers and global governance: Why the BRICS matter. In R. Looney (Ed.), *Handbook of emerging economies*. Routledge. 2014.
9. **Bull H.** *The anarchical society: A study of order in world politics*. Macmillan. 1977.
10. **Butterfield H., Wight M. (Eds.).** *Diplomatic investigations: Essays in the theory of international politics*. Allen & Unwin. 1966.

11. **Buzan B.** An introduction to the English School of international relations. Cambridge University Press, 2014.
12. **Buzan B.** From international to world society: English school theory and the social structure of globalization. Cambridge University Press, 2004.
13. **Buzan B., Cox M.** The End of Anglo-America? T.B. Knudsen and C. Navari (eds.), Power Transition in the Anarchical Society, Palgrave Studies in International Relations, Switzerland AG 2022.
14. **Chace J.** Imperial America and the Common Interest // World Policy Journal. 2002. № 1.
15. **Clark I.** Hegemony in international society. Oxford University Press. 2011.
16. **Clunan A.L.** Russia and the liberal world order. Ethics and International Affairs. 2018. № 32 (1).
17. **Cox M.** The Empire's Back in Town: Or America's Imperial Temptation Again // Millennium. 2003. № 1.
18. De Coning C. Africa and the UN peace operations: Implications for the future role of regional organisations. In C. De Coning & M. Peters (Eds.), United Nations Peace operations in a changing global order. Palgrave Macmillan, 2019.
19. **Gilpin R.** War and change in world politics. Cambridge University Press, 1981.
20. **Holsti K.J.** Taming the sovereigns: Institutional change in international politics. Cambridge University Press, 2004.
21. **Hurrell A.** Beyond the BRICS: Power, pluralism, and the future of global order. Ethics and International Affairs. 2018. № 32 (1).
22. **Hurrell A.** On global order: Power, values and the constitution of international society. Oxford University Press, 2007.
23. **Ikenberry J.G.** A world safe for democracy: Liberal internationalism and the crisis of global order. Yale University Press. 2020.
24. **Ikenberry J.** Rethinking the Origins of American Hegemony // Liberal Order and Imperial Ambition. Essays on American Power and World Politics / Ed. by J. Ikenberry. Cambridge, Polity Press, 2006.
25. **Ikenberry J.G.** Why the liberal world order will survive. Ethics and International Affairs. 2018. № 32 (1).
26. **Jackson R.** The global covenant: Human conduct in a world of states. Oxford University Press, 2000.
27. **Jervis R.** An Empire, But We Can't Keep It // Imbalance of Power. U.S. Hegemony and.
28. **Keohane R.O.** After hegemony. Princeton University Press, 1984.
29. **Keohane R.O.** International institutions and state power: Essays in international relations theory. Routledge, 1989.
30. **Keohane R.O.** International institutions: Two approaches. International Studies Quarterly. 1988. № 32 (4).
31. **Knudsen T.B.** Power Transition and World Order: Three Rival Theories and the Dynamics of Change. Power Transition and Institutional Change: Theorizing the New World Order. Knudsen T.B. and Navari C. (eds.), Power Transition in the

- Anarchical Society, Palgrave Studies in International Relations, Switzerland AG 2022.
32. **Knudsen T.B., Navari C. (Eds.).** International organization in the anarchical society: The institutional structure of world order. Palgrave Macmillan, 2019.
33. **Krasner S.D. (Ed.).** International regimes. *International Organization*, 36(2), 1982.
34. **Layne C.** This time it's real: The end of unipolarity and the Pax Americana. *International Studies Quarterly*. 2012. № 56 (1).
35. **Lehne Stefan.** The Rules-Based Order vs. The Defense of Democracy // Carnegie Europe, 2024 // <https://carnegieendowment.org/research/2024/09/rules-based-order-vs-the-defense-of-democracy>.
36. **Liao N.-C.** The sources of China's assertiveness: The system, domestic politics or leadership preferences? *International Affairs*. 2016. № 92 (4).
37. **Manning C.A.W.** The nature of international society. The London School of Economics and G. Bell. 1962.
38. **Mead W.R.** The return of geopolitics: The revenge of the revisionist powers. *Foreign Affairs*. 2014.
39. **Mearsheimer J.J.** Bound to fail. The rise and fall of the liberal international order. *International Security*. 2019. № 43 (4).
40. **Mearsheimer J.J.** China's unpeaceful rise. *Current History*. 2006. № 105 (690).
41. **Mearsheimer J.J.** The gathering storm: China's challenge to US power in Asia. *The Chinese Journal of International Politics*. 2010. № 3.
42. **Navari C., Knudsen T.B.** Power Transition and Institutional Change: Theorizing the New World Order. Knudsen T.B. and Navari C. (eds.), *Power Transition in the Anarchical Society*, Palgrave Studies in International Relations, Switzerland AG 2022.
43. **Nye J.** After the liberal international order. *China and US Focus*. 2020.
44. **Nye J.** A time for positive sum power. *The Wilson Quarterly*. 2018.
45. **Organski A.F.K.** *World Politics*, New York Knopf, second edition, New York, 1958.
46. **Rauch C., & Wurm I.** Making the world safe for power transition – Towards a conceptual combination of power transition theory and hegemony theory. *The Journal of Global Faultlines*. 2013. № 1 (1).
47. **Reus-Smit C.** The constitutional structure of international society and the nature of fundamental institutions. *International Organization*. 1997. № 51 (4).
48. **Schmidt R.D.** Global Power Shifts and International Law. T.B. Knudsen and C. Navari (eds.), *Power Transition in the Anarchical Society*, Palgrave Studies in International Relations, Switzerland AG 2022.
49. **Schweller R.** Emerging powers in an age of disorder. *Global Governance*. 2011. № 17 (3).
50. **Spektor A.** Humanitarian interventionism Brazilian style. *Americas Quarterly*. 2012.
51. **Stuenkel O.** Post-western world: How emerging powers are remaking global order. *Polity*. 2016.

52. **Tang S.** China and the future international order(s). *Ethics and International Affairs*. 2018. № 32 (1).
53. **Tourinho M., Stuenkel O., Brockmeier S.** Responsibility while protecting: Reforming R2P implementation. *Global Society*. 2016. № 30 (1).
54. **Watson A.** The evolution of international society: A comparative historical analysis. Routledge, 1992.
55. **Wendt A., Duvall R.** Institutions and international order. In E.O. Czempiel & J.N. Rosenau (Eds.), *Global changes and theoretical challenges: Approaches to world politics for the 1990's*. Lexington Books. 1989.
56. **White L.T., Chan St.** China, the U.S., and the power-transition theory: A critique. *China Perspectives*. Routledge, 2009.
57. **Wight M.** Power politics (edited with an introduction by Hedley Bull and Carsten Holbraad). Leicester University Press, 1978.
58. **Wight M.** Systems of states. Leicester University Press. 1977.
59. **Wæver O.** A post-Western Europe: Strange identities in a less liberal world order. *Ethics and International Affairs*. 2018. № 32 (1).

YU.A. VESELOV

Lecturer at the Department of International
Organizations and World Political Processes School of World
Politics, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

THE CONCEPT OF «RULES-BASED ORDER» IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER (PART I)

The concept of a «rules-based order» is an ideological construct created with the aim of legitimizing modern central power perturbation, which in the last ten years has faced new challenges and increasing criticism from developing countries, as well as from countries defending their national sovereignty. In such conditions, there is a need to identify options for the transformation of the modern world order and how attempts to adapt to them are carried out at the «ideological» level. To achieve this goal, the main interpretations of the transition of power were classified according to three paradigms of the theory of international relations: realism, liberalism and the English school, and a hypothesis was put forward about the impossibility of implementing the concept of «rule-based order» in the new geopolitical conditions.

Key words: rules-based order, theory of international relations, world order, transformation of the world order, international order, liberal order.